Маруев Владимир Александрович

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ АЛКОГОЛЯ НА ЗОЛОТОДОБЫЧУ ЗАБАЙКАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

В статье предпринята попытка анализа влияния производства и распространения спиртосодержащей продукции на золотодобычу. Впервые представлен ряд документальных источников Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) и Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Делаются выводы о негативном влиянии распространения спиртосодержащей продукции на приисках, противоречивости этого процесса, недостаточном противодействии ему государства вследствие отсутствия реального контроля за территорией приисков и четкой законодательной базы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/1/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(75) С. 146-150. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 930.1:902
Исторические науки и археология

В статье предпринята попытка анализа влияния производства и распространения спиртосодержащей продукции на золотодобычу. Впервые представлен ряд документальных источников Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) и Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Делаются выводы о негативном влиянии распространения спиртосодержащей продукции на приисках, противоречивости этого процесса, недостаточном противодействии ему государства вследствие отсутствия реального контроля за территорией приисков и четкой законодательной базы.

Ключевые слова и фразы: Забайкалье; золотодобыча; документальные материалы; производство и распространение алкоголя; социальное положение рабочих.

Маруев Владимир Александрович
Забайкальский государственный университет
vamaruev@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ АЛКОГОЛЯ НА ЗОЛОТОДОБЫЧУ ЗАБАЙКАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Исследование выполнено в рамках реализации научного гранта Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» 2016 г.

Золотодобыча во второй половине XIX – начале XX в. являлась основой промышленности региона. Влияние на золотопромышленный комплекс производства и распространения спирта представляется изученным не в полной мере. Помимо влияния на социальную сферу, эти процессы оказывали воздействие на перераспределение финансовых средств, способствовали изменению хозяйственной политики окружающих прииски населенных пунктов, ограничивали ресурсные мощности золотодобывающих предприятий. В рамках данного исследования предполагается рассмотреть означенные проблемы и представить ранее неиспользованные материалы ГАЗК и ГАИО.

Вопрос пьянства рабочих был актуален для золотодобывающих предприятий. По данным исследователя Н. А. Бушиной, он широко освещался в сибирской печати, где утверждалось, что тяжелые нагрузки в течение дня, дискомфортные условия проживания, замкнутая среда обитания, напряженное общение – приводили к тому, что рабочие в водке находили уход от «полускотского» существования [4, с. 371].

Исследователь Н. А. Бушина предоставляет информацию, что подпольное винокурение и контрабандная торговля самогоном были поставлены на широкую ногу и превратились в высокодоходные статьи крестьянского бюджета. За бутылку спирта в 30-40 градусов брали от одного до двух рублей, из ведра спирта получалось 30-40 бутылок, доход достигал 40-80 руб. (в Енисейске ведро спирта стоило 10 руб.). Первоначально местные провозили спирт бочками через караульных, рост добычи золота привел к изменению форм снабжения. Исключительно высокая надежность прибылей от нелегальной винной торговли подвигла некоторых из них на оформление совершенно бездоходных участков, причем рабочие этого фиктивного прииска занимались спиртоношеством, а скупленное ими золото записывалось в книгу как выработанное. После завершения операции дорога домой для массы рабочих становилась сплошным кутежом. Наиболее известным было поселение Витим в составе 124 крестьянских домов, 4 винных складов, 2 трактиров, до сорока тайных и явных кабаков. Это был первый населенный пункт, в который заходил пароход, развозивший рабочих с резиденций после расчета. Спившихся до бессознательного состояния рабочих местные жители доставляли на крыльцо полицейской управы или сбрасывали в Лену с удавкой на шее. Ледники Витима в это время были полны трупами [Там же, с. 372-373].

Представляется нужным отметить, что плохое социальное положение рабочих, длительная оторванность от культурных центров стимулировали развлечение в виде употребления спиртного в значительных количествах. Сезонный характер золотодобычи, ограничения употребления спирта, соответствующая культура поведения, складывающаяся на приисках, способствовали эксцессам с безудержным употреблением спирта в конце операции. Особым фактором являлось низкое качество путей сообщения между приисками, что потенциально могло приводить к задержкам и срыву подвоза припасов и алкоголя. В том числе этот фактор ограничивал объем грузов, которые возможно было провезти на удаленный прииск [7, д. 102, л. 16].

Отношение самих рабочих к алкоголю и своему положению на приисках находило отражение на страницах публикаций начала XX в. Представляется нужным привести цитату из статьи 1916 г., посвященной Казаковским приискам, которую приводит исследователь Л. Ф. Берсенев в работе «К вопросу об экономическом положении рабочих Забайкалья в период между двумя революциями 1907-1917 гг.»: «С раннего утра и до позднего вечера, без праздников, с коротким ночным отдыхом тысячи людей тяжелым изнурительным трудом достают из земли золото. Нет других разговоров, нет других интересов, кроме золота. Желтый песок заслонил собой все. Желтый песок и изредка – манчжурский спирт. Приисковые будни разнообразны пьянством» [2, с. 68]. По мнению краеведа Н. Д. Музгина, кабаки, спирт и лавки являлись универсальным средством выкачки золотопромышленниками денег с рабочих [12]. Интерес представляют данные проекта

программных вопросов съездов золотопромышленников Западно-Забайкальского горного округа и их переписка об организации этих съездов в 1898-1919 гг., где на 1898 г. запланировано было, помимо прочего, обсудить введение свободной торговли спиртом на приисках. Съезд тогда не состоялся из-за неявки золотопромышленников [7, д. 27, л. 1]. Обсуждение на съезде такого вопроса также косвенно свидетельствует, что для золотопромышленников торговля спиртом являлась дополнительным способом обогащения.

Относительно вопросов винокурения и спиртоношества на приисках имеются данные в делах фонда № 93 описи № 1 ГАЗК под №№ 14 «Переписка с военным губернатором Забайкальской области о запрещении кабинетом е. и. в. постройки винокуренного завода в Нерчинском округе. 1880» [6, д. 14] и 24 «Переписка с Нерчинским горным правлением об открытии в Нерчинском округе питейных заводов. 1880» [Там же, д. 24]. Представленные в делах материалы свидетельствуют о пагубном влиянии употребления спиртного на приисках на местное население.

Исходя из имеющихся документальных данных, можно сделать вывод, что отдельной проблемой, помимо спиртоношества и алкоголизма, являлось неупорядоченное производство алкоголя. Из материалов переписки горного начальника Нерчинского завода с горным отделом Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) от 11 сентября 1880 г. следует, что горное правление «ввиду того, что некоторые лица устроили открытые винные склады и питейные заведения на землях канцелярии его Императорского величества без разрешения и согласования Горного ведомства, ходатайствовало о предложении Акцизному управлению дабы оно выдавало патенты на торговлю не иначе, как по представлениям и разрешениям, выданных Горным правлением. Кроме того, Горное правление признает необходимым не дозволять учреждение оптовых винных складов не только при разработках или промыслах, но и на частных золотых промыслах, находящихся на землях канцелярии Его Императорского Величества». Действительный статский советник Поклавский, от которого было затребовано заключение по изложенному обстоятельству в донесениях от 16 июля сего года за № 2530, прилагаемым при сем в подлиннике, между прочим объясняет, что: «Нерчинскому Горному управлению принадлежит право по пятому пункту 333 статьи Устава о питейном сборе, издательства 1876 года на выдачу разрешений на открытие заведений для раздробленной продажи крепких напитков, но только на заводах и рудниках. Признавая необходимость оградить Горное дело Канцелярии Его Императорского Величества от распространения пьянства, влекущего за собой деморализацию местного населения, расстройство хозяйства и кражу золота, я считаю долгом покорнейше просить ваше сиятельство о зависящих по сему предмету распоряжениях по вашему усмотрению и через сношения с министром финансов генерал-губернатором генерального штаба» [Там же, л. 6].

Материалы дела далее свидетельствуют, что вопрос не был решен в течение длительного времени, поскольку законы Российской империи не давали четкой трактовки полномочий различных ведомств. Акцизное управление пыталось сохранить право выдачи патентной документации по своему усмотрению. Исходя из архивных данных на 1884 г., прошения на удаление находящихся ближе 50 вёрст к приискам питейных заведений отклонялись уже несколько раз с 1881 г. Запрещены означенные заведения были только на кабинетских промыслах Нерчинского округа, где использовался каторжный труд, «так как существующая вблизи питейных складов раздробленная продажа служит не менее вредным злом, препятствующим правильному устройству и ходу каторжных работ» [Там же, л. 62].

Примечательно, что винокуренные заводы не только угрожали организации правильных работ на приисках, а также способствовали деградации рабочих, но и содействовали сокращению ресурсной базы приисков. Из материалов переписки с военным губернатором Забайкальской области о запрещении Кабинетом Его Императорского Величества постройки винокуренного завода в Нерчинском округе от 1881 г. следует, что на тот момент винокуренный завод уже существовал возле села Бяннинского, вследствие чего необходимо стало оценить употребление хлеба и горючего материала для винокурения. Потребление заводом хлеба уменьшало поступление его на прииски, поднимало на него цену. Было выяснено, что конкретно этот завод «горючего материала при винокурении употребляет ежегодно до 3500 сажень однополенных дров». Воспрещение на строительство винокуренных заводов диктовалось также желанием сохранить горючий материал для приисков: «согласно представлениям об этом предмете местного горного управления в видах сбережения городских лесов, требуемых для плавления серебра и других надобностей на заводе» [Там же, д. 14, л. 11]. Примечательно, что «названый завод построен на земле, принадлежащей казакам бывшего 11 пешего батальона Забайкальского казачьего войска» [Там же, л. 10]. Таким образом, строительство винокуренного заведения шло с санкции казаков Забайкальского казачьего войска, которые явно не учитывали чужих интересов. Подобная безответственность различных ведомств, клубок экономических антагонистических интересов разных групп общества и отсутствие четкой законодательной базы, помимо волокиты самой по себе, создавали негативные факторы для развития основы промышленности Забайкалья – золотодобычи.

В Восточной Сибири (Енисейской, Иркутской, Забайкальской и Якутской областях) винная монополия вводилась с 1 июля 1904 г. С этого момента производить вино могли частники, развитие производства устанавливалось под контроль высшей администрации, продажу могли осуществлять казна или частники, получившие разрешение [15, с. 201-202]. Однако контроль над приисками в полной мере так и не был установлен.

Уже в 1908 г. горный исправник заявлял об отсутствии в Забайкалье технического надзора на приисках [2, с. 69]. Когда в 1908 г. в Баргузинском горно-полицейском округе было предложено отделить «семейных» рабочих от остальных и выделить им особое жилье, то первые отказались. Объясняется это следующим. Почти каждая «семейная» женщина имеет на относительном иждивении до 10 «сынков», которым готовит и стирает, получая с каждого от 3 до 5 руб. в месяц. Помимо этого, почти каждая торгует спиртом,

варит квас. Такие женщины-«матери» приносят дополнительный доход семьям [5, д. 137, л. 52]. Таким образом, торговля спиртом являлась на самих приисках в начале XX в. занятием, приносившим дополнительный заработок некоторым семьям рабочих. Примечательно, что тот же самый текст исправник использует и в «Записке о положении золотопромышленности в Баргузинском горно-полицейском округе» от 18 апреля 1912 г., что говорит об отсутствии изменений [Там же, д. 368, л. 12].

К этому времени относится утверждение исследователя Н. А. Бушиной, которая отмечает, что население близлежащих к приискам сел живет торговлей спиртом, воровством, проституцией, в связи с чем снижается моральный уровень народа. Отмечается, что жены и дочери продавцов спирта являлись тунеядцами [3, с. 85]. Торговля спиртом представляла собой явление, которое перераспределяло финансовые потоки из одних рук в другие. В конкретных условиях она обогащала часть жителей приисков и прилегающих территорий и снижала достаток других жителей прииска, не способствуя развитию какого-либо производства на территориях, окружающих районы добычи золота.

18 апреля 1909 г. в «Записке о положении золотопромышленности в Баргузинском горном округе Военному губернатору Забайкальской области» горный исправник Баргузинского горно-полицейского округа писал: «с целью борьбы с продажей водки целесообразно разрешить свободную торговлю на приисках не выше назначаемой продаваемой цены. В операцию на Королонских приисках не было водки. Я (Горный Исправник) телеграммой просил Окружного Инженера разрешить по моему свидетельству ввезти водку в нужном количестве. Ответа не получил. Спиртоносы навезли целыми транспортами. Успешно торговали и были пойманы под конец» [5, д. 137, л. 53]. И далее: «с введением же монополии, с установлением свободной торговли водкой в тайге и с уменьшением тайного скупа золота, вследствие того что за последнее время на самом прииске стали платить высокую цену, таежная жизнь войдет в более нормальную колею и настоящие страшные спиртоносы обратятся в обыкновенных мирных рабочих и служащих» [Там же, л. 53 об.]. В этом же документе значится, что на 1904 г. «Люди боятся сдавать золото скупщикам, получая много от предпринимателей, исключение – спиртоносы» [Там же, л. 52]. Таким образом, введение монополии не разрешило всех проблем, а только изменило их конфигурацию, поскольку горный исправник утверждает то, что не алкоголизм рабочих являлся проблемой как таковой, а вопрос спиртоношества напрямую связан с тайным скупом золота, в том числе за спирт. Не желая достойно оплачивать добычу золота, золотопромышленники стимулировали кражу золота и его переход в руки спиртоносов. Н. М. Кудрявцев в работе «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» утверждает, что затраты на дорогую водку являлись одной из основных причин бедности сибирских золотодобытчиков [10, с. 317-318].

В «Записке» от 18 апреля 1912 г. горный исправник утверждает, что «рабочим за каждый золотник добытого и сданного золота не везде платится одна цена. Чтобы золото не уходило на сторону, золотопромышленники делят его на “харчевое” и “вольно-приносительское”. За харчевое платится, например, 2,5 руб. за золотник, за вольно-приносительское 4-4,5 руб., харчевое – то, которое рабочие сдают за провизию, отпускаемую исключительно за золото. Сдают остальное золото на прииски также, но не редко спиртоносам. Гор. Бодайбо – “притон всевозможных подонков общества”» [5, д. 137, л. 52]. Это подтверждает умозаключение о том, что проблема спиртоношества была проблемой не алкоголизма и дикости рабочих, а проблемой их слабого экономического положения и ограничений, связанных с работой на удаленном прииске.

Здесь представляется нужным отметить, что в 1884-1886 гг. «на тер. Китая, на речке с назв. Желта (кит. название – Мохэ) – притоке Албазихи (прав. притока Амура)» существовало «сообщество золотоискателей» [1, с. 345], именуемое также «Желтугинская республика». Там не действовали государственные институты. Ю. А. Игнаткин характеризует «республику» как поселение «хищников» в количестве от 120 человек в 1884 г. до 10000 человек весной 1885 г., которые осваивали золотую россыпь длиной в 35 верст по р. Желтуге и ее притокам [9, с. 38]. Рабочие, предоставленные сами себе, нашли возможным создать свое «законодательство» и поддерживали порядок, при этом проблем с алкоголизмом и пагубными его последствиями для самих рабочих не отмечалось [13; 14, с. 6].

Как отмечалось выше, спиртоносы были связаны с хищением золота с приисков, поскольку часть алкоголя поставлялась на прииски в обмен на золото. По данным Ю. А. Игнаткина, «борьба с ними золотопромышленников была не особо успешной в целом, поскольку добытое ими золото скупали соседние прииски, представители банков, агенты других золотопромышленников, а также китайцы-спиртоносы» [8, с. 39]. Через подобных и других спиртоносов часть золота попадала в Китай. О практике ухода золота из Забайкалья в Китай свидетельствует архивный документ «Наряд бумаг: 1) о китайском прииске на речке Килари в Киларийском пограничном округе (Забайкалье); 2) о нарушении китайскими подданными – арендаторами приисков – по реке Дарасун правил ведения золотозаписных книг» от 1911 г. [7, д. 88, л. 2-7]. Китайский прииск по р. Килари являлся настолько богатым, что при примитивных работах вырабатывал золота не меньше 6 пудов в день. Половина сдавалась в казну, половина отчислялась на содержание администрации прииска и перевозилась на русскую сторону предпринимателям Нерчинского завода по 4,50 руб. за золотник. Последние сдавали его в Иркутскую лабораторию под видом «вольноприносительского». Китайский начальник Киларийского пограничного округа предложил это золото сдавать в Иркутскую лабораторию с правом получения непосредственно расчетных ведомостей по сплаву и с правом получения с Монетного двора ассигновок. С его слов следовало, что «сбыт русским купцам тайком неудобен и убыточен в смысле продажи по выданной цене во что бы то ни стало и в смысле получения за проданное денег». После проверки было подтверждено, что месторождение действительно богато. Посчитали, «что при том, что наши

золотодобытчики продают золото китайцам, то привнесение китайского золота в Иркутскую лабораторию может компенсировать этот убыток». Надо иметь в виду, что китайским начальником было продано купцам в Нерчинске, преимущественно Доровскому, с начала весны 1911 г. более пуда золота, а ожидалось более 10 пудов, половина из которых перейдет на русскую сторону [Там же, л. 2].

Отдельно представляется нужным отметить взгляд В. А. Ламина на проблему утечки денег и золота вследствие затрат рабочих на спирт. Последний утверждает в работе «Золотой след Сибири», что средства, которые рабочие оставляли в кабаках и иных подобных заведениях, сохранялись в экономике Сибири и не уходили в центр, что положительно сказывалось на местной экономической ситуации. «Всякий, кто старался легально или недозволенным способом “добыть” себе как можно больше ассигнаций, полученных старателями за добычу золота, целенаправленно преследовал свой корыстный интерес и одновременно инстинктивно препятствовал вывозу экономического капитала из Сибири, т.е. реально корректировал традиционно хищническую политику центра в отношении края» [11, с. 77]. В данном случае с автором сложно согласиться, поскольку деньги рабочих по факту являлись уже частью местной экономической системы. Кроме того, часть золота, которое спиртоносы получали на самих приисках нелегально, уходила не только не в центр, но заграницу.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд выводов. Высокие объемы производства и потребления алкоголя на предприятиях забайкальской золотодобычи являлись следствием тяжелых условий труда рабочих, обусловленных спецификой сезонного характера работы, их низкого социального положения и удаленности приисков от культурных центров. Алкоголизм оказывал негативное воздействие на рабочих, деморализовывал их, вел к росту преступности и падению уровня жизни. Отсутствие контроля над производством спирта создавало условия для его изготовления на самих приисках и ближайших к ним населенных пунктах. Часть местного населения отвлекалась от земледелия и скотоводства, что приводило к снижению уровня обеспечения приисков провизией и рабочим скотом, провоцировало рост цен.

Значительную часть разносчиков алкоголя – спиртоносов – составляли китайцы. Нелегальный сбыт спирта в обмен на приисковое золото приводил к утечке драгоценного металла в Китай.

Запутанное законодательство и отсутствие порядка в разграничении полномочий различных ведомств позволяли предпринимателям открывать винокуренные заводы, не считаясь с интересами местной горнопромышленной администрации. Между тем наличие винокуренных заводов приводило к снижению обеспечения приисков хлебом и дровами. Как следствие, росли цены на хлеб, золотодобывающие предприятия ограничивались в горючем материале.

Золотопромышленники по-разному относились к производству и распространению алкоголя на приисках. Часть золотопромышленников ограничивала потребление спирта с целью интенсификации труда. Некоторые золотопромышленники использовали алкоголь в качестве дополнительной статьи собственного дохода и благоприятствовали производству спирта. Другая часть золотопромышленников стимулировала рабочих более высокими выплатами за золотничные работы, уменьшала нелегальный сбыт золота и сама организовывала поставку алкоголя на прииски. Последняя практика позволяла более успешно сокращать вывоз золота с приисков спиртоносами, способствовала повышению благосостояния и мотивации рабочих.

Список литературы

1. **Баринов А. О.** Желтугинская республика // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4-х т. Новосибирск: Наука, 2000. Т. II. С. 345-346.
2. **Берсенев Л. Ф.** К вопросу об экономическом положении рабочих Забайкалья в период между двумя революциями 1907-1917 гг. // Вопросы социально-экономического развития Восточной Сибири (XIX-XX вв.). Новосибирск: Наука, 1989. С. 57-80.
3. **Бушина Н. А.** Влияние золотопромышленности на экономику региона в освещении сибирской печати второй половины XIX в. // Историко-экономические исследования. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП), 2006. С. 79-90.
4. **Бушина Н. А.** Социальный образ жизни рабочих на золотых промыслах в освещении сибирской печати // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП), 2009. С. 370-373.
5. **Государственный архив Забайкальского края** (ГАЗК). Ф. 19. Оп. 1.
6. **ГАЗК.** Ф. 93. Оп. 1.
7. **Государственный архив Иркутской области** (ГАИО). Ф. 135. Оп. ОЦ.
8. **Игнаткин Ю. А.** Очерки золота Забайкалья. Чита: АНО ЦНОП, 2004. 100 с.
9. **Игнаткин Ю. А.** По диким степям Забайкалья (очерки золота Забайкалья). Чита: Читинская областная типография, 1994. 112 с.
10. **Кудрявцев Н. М.** Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 560 с.
11. **Ламин В. А.** Золотой след Сибири. Новосибирск: Наука, 2002. 143 с.
12. **Музгин Н. Д.** Золото. Из прошлого нашего края // Нерчинская правда. 1962. 3 апреля.
13. **Нестеров Ю.** Республика в пади Мохе // Нерчинский рабочий. 1997. 15 апреля.
14. **Никишихин А.** Тайны Желтуги // Золото. 1996. № 17.
15. **Сметнева Н. В.** Производство и торговля алкогольной продукцией в Восточной Сибири в период действия казенной монополии (1904-1917 гг.). // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП), 2007. С. 201-204.

INFLUENCE OF ALCOHOL PRODUCTION AND DISTRIBUTION ON GOLD MINING IN TRANSBAIKALIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Maruev Vladimir Aleksandrovich
Transbaikal State University
vamaruev@mail.ru

The article analyzes influence of alcohol production and distribution on gold mining. For the first time the paper introduces documentary sources from the State Archive of Transbaikal Region and the State Archive of Irkutsk Region. The author concludes on negative influence of alcohol production and distribution in the mines, contradictoriness of this process, insufficient response of the state due to lack of control over the mines and absence of the clear legislative basis.

Key words and phrases: Transbaikalia; gold mining; documentary sources; alcohol production and distribution; workers' social status.

УДК 930
Исторические науки и археология

Данная статья представляет собой попытку формирования исследовательской модели, связанной с изучением событий духовного кризиса французских модернистов. На основании изучения биографий А. Луази, А. Утана, П. Альфарика и некоторых других французских католических мыслителей автор пытается определить причины их духовного кризиса, показать этапы его развития и выделить варианты завершения. Представленная автором модель состоит из следующих элементов: сомнения в истинности католической веры, попытки их разрешения, потеря веры и разрыв с Церковью или сохранение лишь внешней связи с ней.

Ключевые слова и фразы: католическая Церковь; католицизм во Франции; модернизм; кризис веры; внутренняя секуляризация католицизма; А. Луази; Э. Ренан.

Метель Ольга Вадимовна, к.и.н.
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
olgametel@yandex.ru

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС КАТОЛИЧЕСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОСТРОЕНИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ

Работа проводилась при финансовой поддержке РГНФ, контракт № 12-31-01319 «Путь от веры к разуму в творчестве католических интеллектуалов конца XIX – начала XX в.: Альфред Луази».

Мощные потрясения, вызванные в XIX в. столкновением научного и религиозного принципов познания окружающего мира, обусловили развитие во многих европейских странах, в частности во Франции, целого ряда процессов, получивших общее наименование кризиса католичества. Зафиксированный уже современниками, данный кризис проявился в изменении как положения католического духовенства, так и способов самоидентификации последнего. Столкнувшись с целым рядом «вызовов», католические интеллектуалы испытали глубокие сомнения в основах своей веры: «Особый характер многочисленных кризисов состоит в том, что они связаны с разумом, а не особым характером и традициями. Это была драма в головах. Они заявляют, что церковные догмы ошибочны и они не могут существовать во лжи. Они не хотят следовать своей профессии. Они не развратились, они просто сбились с курса. Оказавшись обманутыми, они не хотели больше жить во лжи» [5, p. 9]. Подобные разочарования, квалифицируемые в качестве «духовных кризисов», подталкивали лучшие церковные умы к прекращению своей духовной карьеры или же вынуждали сохранять лишь внешнюю принадлежность к Церкви.

Именно такие потрясения испытали представители модернизма – течения, призванного приспособить Церковь к духу Нового времени [9; 11], а ранее их идейный предшественник – Э. Ренан [10]. Ранее нами была реконструирована в общих чертах хронология духовных кризисов Э. Ренана, А. Луази и некоторых других авторов (П. Альфарик, А. Утан) [1], поэтому в рамках данной статьи мы попытаемся представить некоторые обобщения, а именно предложить общую модель духовных кризисов, выработанную на основе обобщения указанного материала, а точнее на основе анализа источников личного происхождения названных авторов [3; 6; 7]. И первоначально необходимо определиться с дефинициями, а в частности, необходимо предложить определение того, что мы будем понимать под духовным кризисом. На наш взгляд, духовный кризис – это психологическое состояние, связанное с сомнениями в истинности своей веры и правильности избранного пути.

Причины духовного кризиса всех названных мыслителей носят сугубо интеллектуальный характер. Подобный кризис был спровоцирован знакомством с достижениями современной философии и науки: истории и филологии. Причем наибольшее воздействие оказывала именно последняя, провоцировавшая сомнения в истинности информации, изложенной в Священном Писании. В качестве примера приведем отрывки из произведений Э. Ренана. Погрузившись в изучение древнееврейского языка, он осознал, что текст Библии несовершенен. «Мои критические исследования библейских текстов не только способствовали развитию моих исторических и эстетических вкусов, но и показали, что эти книги ничем не отличаются от других книг античности, в них также содержатся противоречия и ошибки. Они также полны сказками, легендами, рассказами, являвшимися продуктом творчества всего человечества» [10, p. 293]. Столь же важными оказываются и исторические